

Егине ИСААКЯН

Гюмрийский педагогический институт

ДЕКОДИРОВАНИЕ СИМВОЛОВ – ПРЯМОЙ ПУТЬ К МИРОВОСПРИЯТИЮ АВТОРА

*«Тот, кто хочет разгадать символ,
делает это на свой страх».*

Оскар Уайльд

Любое художественное произведение символично, и разнообразие его пониманий беспредельно.

По словам Р. Киселева, художественное произведение воздействует на читателя не только имеющимися в нем образами, контрастами, повторами и т.п., но и требует от читателя восстановить то, что опущено, то, что подразумевается /Киселева, 1975/.

Стилистика декодирования при помощи содержательного анализа целого текста в совокупности с его внутренним строением и экстралингвистическим полем, позволяет выйти за рамки внутренней организации текста, раскрыть закодированную автором информацию и проникнуть в сакральный мир автора. Для выявления подтекстовой информации текста большую роль играет декодирование символов, использованных автором в художественном тексте.

Употребляя символы в художественном произведении, автор придает художественному тексту особую экспрессию – загадочность. В свою очередь, расшифровка символов доставляет читателю большое удовольствие. Декодирование символов состоит из многочисленных перекодировок. Символы несут в себе большую закодированную информацию. Один и тот же символ может декодироваться по-разному, в зависимости от тезауруса читателя (содержание памяти), так как коды и тезаурус писателя отличаются от кодов и тезаурусов читателей. Читатель, декодируя тот или иной символ, прежде всего, ссылается на собственные знания, пытаясь разгадать его и этим приблизиться к сознанию кодирующего. Однако, по словам М. Риффатера, происходит контроль над процессом декодирования, который осуществляется путем отбора таких элементов ре-

чегого конструкта, которые не только направляют читательское понимание в нужное русло, но и ограничивают интерпретационную свободу /Риффатер, 1980/.

Мировосприятие автора частично скрывается в тех символах, которые он намеренно употребляет в своих произведениях. Как справедливо отмечают С.К. Гаспарян и М.С. Саргсян в статье «Символические образы в контексте художественного произведения», символ является важнейшим звеном общения между автором и читателем, посредством символа автор передает свое видение мира читателю. Воздействуя на воображение, символический образ вызывает у читателя ассоциации, которые помогают ему проникнуть в истинную суть авторского замысла.

Творчество величайшего британского писателя Дж. Фаулза богато символическими образами. Роман «Волхв» – глубокий психологический роман с ярко выраженными символическими обозначениями. В данной статье предпринимается попытка проникнуть в индивидуальный, сакральный мир автора при помощи декодирования символа «остров» в художественном пространстве романа «Волхв».

Остров Фракос, где разворачиваются события романа «Волхв», – самая большая метафора Дж. Фаулза. *Остров – это символическое обозначение одиночества*, метафора бытия и сущности в художественной философии автора. Остров становится одновременно и местом действия и носителем чувственно воспринимаемой «правды видения», самопознания.

Автор, прибегает к аллегории и, уникальным образом рисуя портрет острова, погружает главного героя, Николса, в трансцендентальное путешествие в лабиринтах собственного подсознания, в поисках подлинного Я. На фактическом уровне текста главный герой там встречает загадочного мага, который подвергает его глубокому психологическому эксперименту, заставляя найти неординарные выходы и почувствовать свою избранность. На подтекстовом уровне Кончис – маг – это его собственное подсознание.

I began quietly to rape the island. I swam and swam. I walked and walked. I went out every day. The weather rapidly became hot and during the heat of the afternoon the school slept. Then I used to take off into the

pine – forest. I always went over the central crest to the south side of the island. There, was absolute solitude: three hidden cottages at one small bay, a few tiny chapels lost among the green downward of pines and deserted except on their saints' days and one almost invisible villa, which was in any case empty. The rest was sublimely peaceful, as potential as a clean canvas, a site for myths. It was as if the island was split into dark and light (Волхв: 63).

Данный абзац является метафорической репрезентацией душевного состояния главного героя. Подтекстовая информация находит свое явное присутствие именно в этой части текста. В данном отрезке текста глаголы **to rape, to swim, to walk, to go out** несут в себе метафорическую семантику. Автор использует данные глаголы с целью красочной передачи душевного состояния главного героя: то он плавает, то ходит пешком, часто заходит в сосновый лес. Это та часть его подсознания, которая наиболее запутана. На гребне острова абсолютное одиночество: есть всего лишь несколько часовен, но они в основном безлюдны, кроме святых дней, а среди сосен они не видны. Остальная часть острова находится в величайшем спокойствии.

В данном отрезке текста одиночество представляется как отрешенность, пустота. Семантическое поле одиночества оформляется существительным **solitude** «одиночество» и прилагательными **deserted** «безлюдный» и **empty** «пустой». Вокруг него сплошное одиночество, пустота. Автор употребляет также метафорическое сравнение **The rest was sublimely peaceful, as potential as a clean canvas, a site for myths**. Прилагательное **clean** здесь употребляется в значении «непорочный». Выражение **a clean canvas** приобретает метафорическое значение: в душе героя все еще осталось чистое, непорочное «местечко». Последнее предложение данного абзаца выступает индикатором обобщенности **It was as if the island was split into dark and light**. Вся подтекстовая информация обобщается антитезой – контрастными по значению лексемами **dark** «тьма» и **light** «свет», которые, в свою очередь, являются индикаторами душевного состояния героя. Несмотря на то, что ему одиноко и вокруг него сплошная пустота, он надеется наполнить ее (пустоту) и начать свою жизнь с чистого листа. Это символизируется с помощью «света» и «тьмы».

В следующем отрезке текста одиночество приобретает дополнительные качества. Здесь оно рассматривается не как пустота, а как уединение, покой. Данное ощущение вызывает Греция. Все на этой земле приобретает значимость.

It was the world before the machine, almost before man, and what small events happened the passage of a shrike, the discovery of a new path – took an unaccountable significance, as if they were isolated, framed, magnified by solitude. It was the least eerie, the most un-Nordic solitude in the world (Там же, 51).

Концептуальную информацию актуализирует существительное **solitude**, которое приобретает экспрессивность благодаря причастию **magnified** и эпитетам **the least eerie** «мрачный, боязливый», **the most un-Nordic** «нескандинавский». Большой экспрессии автор достигает применением антитезы, одновременным употреблением превосходных степеней сравнения контрастных по значению прилагательных **the least – the most**, которые, в свою очередь, сообщают лексеме **solitude** божественное спокойствие, уменьшая мрачную сторону одиночества (пустоту). Примечательно употребление эпитета **un-Nordic**, который одновременно является индикатором одиночества. Если на протяжении всего контекста остров является символом одиночества, отрешенности, то здесь эту роль на себя берет Скандинавский полуостров, однако благодаря отрицательному суффиксу **un- (un-Nordic)**, одиночество приобретает положительные качества. Это ни с чем не сравнимый душевный покой, уединение, от которого получают наслаждение.

Концепт «одиночество» достигает кульминации в следующем отрезке текста.

"No man is an island."

"Every one of us is an island. If it were not so we should go mad at once. Between these islands there are ships, airplanes, telephones, wireless what you will. But they remain islands. Islands that can sink or disappear for ever. You are an island that has not sunk" (Там же, 146).

Примечательно то, что если до сих пор автор только намекал будто «остров» – это символическое обозначение одиночества, то в концептуальной метафоре **Every one of us is an island** (Каждый из нас – остров) об этом говорит буквально, человек здесь ассоци-

ируется с островом. Этимология слова остров (корни слов **insulate**, **isolate** «изолировать») произошли от латинского **insula** «остров») дает объяснение ассоциируемым лексемам: *человек и остров*. Весь абзац несет в себе метафорический подтекст. Любой человек в глубине души одинок. Неважно, сколько у него друзей, кто они, все равно, в глубине души он одинок. Однако важно другое: одни приходят в этот мир и уходят бесследно, другие запоминаются надолго, а некоторые – даже навсегда.

В последнем абзаце, который представляет собой диалог между Николсом и магом, автор подводит итог.

"Greece is like a mirror. It makes you suffer. Then you learn."

"To live alone?"

"To live. With what you are" (Там же, 99).

Здесь автор употребляет сравнение **Greece is like a mirror** (Греция похожа на зеркало). В этой прозрачной, абсолютно чистой стране человек видит свое настоящее отражение. Познание подлинного «Я» со всеми своими недостатками всегда болезненно и заставляет страдать. Однако только после этого, человек научится принимать себя таким, какой он есть, и жить в гармонии с самим собой.

Концептуальная информация актуализируется вопросно-ответным диалогом, базирующимся на повторе глагола **to live**. Научиться жить для Николса означает научиться жить одному. Однако маг Кончис имеет в виду другое: жить в гармонии с самим собой, а чтобы достичь этого познания, Николсу предстоит пройти трудный и болезненный жизненный путь, познать истинную цену вещей. Предложение **To love with what you are** автор преднамеренно разбивает на две части: **To live** и **With what you are**. Прием парцелляции в данном случае имеет имплицитное значение – «терпение». Надо терпеливо научиться жить. А жить – значит принять себя целиком, каким бы ты ни был.

Иными словами, философская концепция автора обобщается в этом коротком диалоге. Каждый из нас – остров, в глубине души бесконечно одинок. Не надо бежать от самого себя, надо просто научиться жить в гармонии с самим собой. Тогда одиночество не покажется тягостью, а станет приятным уединением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990.
2. Гаспарян С.К., Саргсян М.С. Символические образы в контексте художественного произведения. <http://www.nbuu.gov.ua/portal/natural/vkhnu/Rgf/2011.../11gskkp.pdf>
3. Риффатер М. Критерии стилистического анализа. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М.: Прогресс, 1980.
4. Словарь символов // Остров. <http://www.lexicon.org.ua/symbol/o/130125.html>
5. Fowles J. The Magus /Revised by the Author. London: Triad Grafton Books, 1981.

Հ. ԻՍԱՀԱԿՅԱՆ – Խորհրդանիշների ապակողավորումն ուղիղ ճանապարհ է դեպի հեղինակի աշխարհընկալում. – Հոդվածը նվիրված է կղզի խորհրդանիշի ուսումնասիրությանը Ջոն Ֆաուլզի «Վիուլը» ստեղծագործության մեջ: Աշխատանքի նպատակն է բացահայտել հեղինակի աշխարհի պատկերը սույն խորհրդանիշի ապակողավորման միջոցով: Գեղարվեստական ստեղծագործության մեջ խորհրդանիշներն ունեն յուրահատուկ օգտագործում: Կողավորողը թաքցնում է մեծ քանակությամբ տեղեկատվություն նրանց մեջ: Ապակողավորման ոճաբանությունը տեքստի համապարփակ վերլուծության, նրա ներքին կառուցվածքի և արտաբերական դաշտի հետ համատեղ հնարավորություն է տալիս ապակողավորել տեքստում զետեղված տեղեկատվությունը և ներթափանցել հեղինակի խորհրդավոր աշխարհը:

H. ISAHAKYAN – *Decoding of Symbols as a Straight Way to the Writer's World Perception.* – The paper is devoted to the study of the symbol “island” in J. Fowles' novel “The Magus”. The aim of the paper is to reveal the writer's world picture by decoding the above stated symbol. The use of symbols in belle-letters has a peculiar use. The encoder (writer) hides a lot of information in them. Decoding stylistics allows the reader to penetrate into the writer's peculiar world, deeply understand and properly evaluate him (her).